

Иогель Михаил Константинович

Мрак и свет

Роман в 2 частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Константинович И.**
Мрак и свет: Роман в 2 частях / Иогель Михаил Константинович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 518 с.

ISBN 978-5-519-87252-2

ISBN 978-5-519-87252-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

которой какъ-будто не замѣчалъ, спать не болѣе пяти часовъ въ сутки и проводилъ все время въ своемъ маленькомъ городскомъ кабинетѣ, заваленномъ книгами, рукописями и письмецами.

Онъ былъ редакторомъ одного очень крупнаго московскаго журнала, занимался переводами и слѣдилъ съ неустанною энергіею, мыслимою только въ очень молодомъ человѣкѣ, за всѣми изгибами міровой мысли, за всѣми малѣйшими ея уклоненіями отъ того, что считалъ за истину. Истина замѣняла въ немъ жизнь. Истинѣ пожертвовалъ онъ карьерою и ради проведенія ея въ жизнь расстратилъ прекрасное состояніе.

Говорилъ онъ очень рѣдко. Говорилъ отрывочно, рѣзко, соединяя самые несоединимые предметы въ одну рѣчь и перескакивая отъ мысли къ мысли, какъ бѣлка съ вѣтки на вѣтку. Да онъ и не могъ говорить иначе. Говорить о какомъ-нибудь Петрѣ Андреевичѣ, а думаетъ о Іоаннѣ Грозномъ, о переворотѣ во Франціи, и самъ продолжаетъ переводить съ англійскаго.

Онъ вдругъ поднялъ голову послѣ весьма продолжительнаго молчанія и, взглянувъ на сына, сказалъ:

— Можетъ быть! Можетъ быть!.. Но меня рѣдко интересовала мысль въ ея примѣненіи!.. Меня почти всегда интересовала она сама въ себѣ! Мысль, какъ мысль!—почти прикрикнулъ онъ.— Образъ, такъ образъ, чтобы онъ былъ цѣль, весь тутъ, на-лицо!.. Цѣльность, да, цѣльность!.. Цѣльность натуры, вещи, мысли, сердца!.. Тутъ все—все!.. Благообразіе—идеалъ! Единственный! Охъ!..

— Что, батюшка, худо опять?

— Да! Стучить!.. Любовь къ величію, къ славѣ—самая ужаснѣйшая изъ болѣзней вѣка!.. Mania

grandiosa!.. Всѣ маленькіе хотятъ быть великими!.. Несчастіе вѣка!.. Принеси-ка мнѣ воды!.. Охъ!..

„Вѣдь, ишь работаетъ!“

Владиміръ быстро вышелъ.

„Видно дорабатываетъ!.. IV сцена Элеоноры съ барономъ Родендорфомъ такъ и останется неоконченною!.. Только-что начатый переводъ съ испанскаго—тоже!.. Идея широка, какъ міръ!.. Много души, много мыслей, страданій и борьбы!.. Много, много любви!.. Жаль!—Одна любовь творитъ міры!.. Одна она вѣнчаетъ образы по ихъ достоинству!.. Новый инцидентъ во Франціи такъ и останется невыясненнымъ!.. А письма, письма!“

Онъ схватился за голову и сдѣлалъ усиліе, желая встать, но въ этотъ именно мигъ сердце его сорвалось и стало биться неровными, судорожными толчками.

Онъ медленно отклонился на спинку и закрылъ глаза, чутко прислушиваясь къ этимъ толчкамъ. Онъ, какъ будто, хотѣлъ соразмѣрить силу ихъ ударовъ съ силою своего сердца и опредѣлить, хоть приблизительно, на сколько дней могъ разсчитывать еще!.. Двѣ, три недѣли вполне удовлетворили бы его, а тамъ пусть смерть: онъ хотѣлъ-бы только сохранить сознаніе до послѣднихъ минутъ, чтобы подойти къ ней ближе, ближе и понять ее точнѣе, эту великую тишину, эту загадочную дрему *несмѣтнаго множества людей*, уже *отбывшихъ* свою земную жизнь.

— Батюшка! Вотъ вода!

— Вода! Зачѣмъ вода?

— Вы-же просили!

— Ахъ! да, да, просить!

Онъ взялъ стаканъ сильно дрожащею рукою и сдѣлалъ нѣсколько глотковъ.

— Батюшка! Позвольте съѣздить за докторомъ! Дмитрій Сергѣевичъ медленно остановилъ на немъ свѣтящійся взглядъ.

— Предоставь мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ... Живой-же думаетъ о живомъ!.. Предвѣчная мысль не умираетъ, а въ часъ физической смерти человѣка воленъ только Богъ!..

Человѣкъ, боящійся смерти, достоинъ презрѣнія!.. Съ мыслью можетъ спорить только любовь! *Предвѣчная мысль, одухотворенная любовью, есть Богъ!.. Да, Да!.. Богъ, Богъ!*

Владиміръ глядѣлъ на него съ плохо скрытымъ чувствомъ глубокой тревоги.

Его смущала та лихорадочная торопливость, съ какою онъ высказывалъ свои мысли, какъ-бы опасаясь, что онѣ такъ и останутся невысказанными!..

— Мы слишкомъ далеки были другъ отъ друга, Владиміръ! Къ сожалѣнію, я чувствую это только теперь!.. Но, внимательно прочитаи все, что написалъ я, а главное—переводы, и міръ мой станетъ вполне понятенъ тебѣ! Все, чѣмъ я жилъ, все, что я любилъ, чего бѣжалъ и чѣмъ угнетался!.. Я бѣжалъ всего, что мѣшало мнѣ мыслить, всего, всего... женщинъ, картъ, вина!.. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты однимъ часомъ проникъ въ этотъ чудный сонмъ моихъ многосложныхъ мыслей, заглядывавшихъ во всѣ углы міра и вездѣ находившихъ свѣтъ... *Licht mehr, Licht!..* Помнишь?.. *Царство мысли есть царство счастья!..* Мысль не знаетъ ни зависти, ни злобы, ни тюрьмы, ни сумы!.. Одухотворенная любовью, она все претворяетъ, все заселяетъ и наполняетъ собою!.. Истинно богатъ лишь только тотъ, кто богатъ мыслями!.. Мысль нельзя ни украсть, ни сковать цѣпями!.. Все принеси въ жертву мысли, все—все,

и въ рубицахъ, и въ тюрьмѣ будешь счастливиѣйшимъ изъ людей!.. Только мысль можетъ открыть тебѣ глаза на все ничтожество тѣхъ благъ земныхъ, изъ-за достиженія которыхъ гибнутъ милліоны людей!.. Вотъ именно то, что я прежде всего хотѣлъ передать тебѣ!.. Церковь представляетъ блаженство, какъ какое-то неподвижное состояніе душъ!.. Никогда не понималъ!.. *Блаженство есть свѣтъ, а свѣтъ есть мысль, находящаяся въ непрестанномъ движеніи!.. Ея предназначеніе — постепенно постигать величіе и мудрость Творца, и въ этомъ все наше счастье!..*

Онъ тяжело перевелъ духъ.

— Батюшка! Перестаньте говорить! Вы слишкомъ устали!

— Намолчусь еще, мой милый! Успѣю!

Слабая улыбка пробѣжала блѣдною тѣнью подъ его усами и словно застыла въ углахъ рта, а глаза свѣтились все глубже.

Онъ всталъ.

— Licht mehr, Licht!—какое понятное восклицаніе среди надвигающейся тьмы смерти!.. Но тьма смерти есть временная тьма!.. Я понимаю ее только какъ состояніе растерянности при переходѣ отъ одного бытія къ другому... Что-то кончается, что-то кончилось, и надвинулась тьма, и невольно восклицаешь всею сущностью своею: свѣта больше, свѣта!.. Какъ душно тутъ, Владимірь... Дай руку... Пройдемъ въ паркъ!..

Владимірь бережно облокотилъ руку отца о свою и осторожно свелъ его съ ветхихъ ступенекъ террасы.

— Солнце заходитъ и наступаетъ тьма. Но зарождается новый день, зарождаются за-одно съ нимъ и новыя мысли, и новая жизнь,—жизнь, въ

которой мысль, одна только мысль—уже все... Какое блажепство!.. И его-то мы и зовемъ смертью. Повѣрь мнѣ, Владиміръ, что смерть есть измыселъ мысли, порабощенной матеріею... Есть тьма болѣе ужасная, пезели временная тьма смерти,—тьма жизни людей, не сознающихъ себя существами духовными и вѣчными...—Пойдемъ скорѣе!.. Меня влечетъ все дальше и дальше.

— Вы и такъ задыхаетесь, батюшка!

— Пустое!.. Вотъ этотъ нашъ почти разрушившійся домъ и пять десятинъ дичи, окружающей его, это все, что я оставляю тебѣ; но я не сокрушаюсь. Богъ не владѣетъ ни пядью земли, а между тѣмъ Его Мысль проникаетъ всюду и Его Любовью одухотворяется и управляется все... Человѣкъ, владѣющій нѣсколькими тысячами десятинъ земли, въ дѣйствительности не владѣлецъ ея, а рабъ, потому что прикованъ къ ней своими заботами, какъ Прометей къ скалѣ цѣпями.

— Да, по вы забываете, батюшка, что на этихъ тысячахъ десятинъ земли живутъ люди, связанные съ нами многовѣковыми, драгоценнѣйшими узами безграничнаго покровительства и безпредѣльной покорности! Вы забываете еще, что Богъ, какъ Духъ вездѣсущій, можетъ все; человѣкъ же, какъ духъ, заключенный въ пространствѣ и во времени, можетъ сдѣлать что-либо только въ этомъ времени и въ данномъ ему пространствѣ, и весьма понятно, что чѣмъ шире это пространство, тѣмъ шире и его воздѣйствіе!..—горячо высказался Владиміръ, и слегка загорѣвшее лицо его залилось горячимъ румянцемъ!

— То-есть, ты хочешь сказать, что мысль, лишенная предмета своего воздѣйствія, бесполезна?—глухо замѣтилъ Дмитрій Сергѣевичъ.

— Вотъ именно, батюшка, и что до меня, то я чувство всегда предпочту мысли!.. Я думаю, что и вы согласитесь со мною, потому что вамъ должно быть болѣе извѣстно, чѣмъ мнѣ, что все наше глубоко-подвижническое прошлое совершалось подъ воздѣйствіемъ безотчетныхъ чувствъ, а ужъ никакъ не въ результатъ работы мысли!

Дмитрій Сергѣевичъ, продолжая теперь молча идти впередъ, медленно понурить голову.

Владиміръ взглянулъ на его изжелта-блѣдное лицо, рѣзко осунувшееся, и яркая краска мгновенно сбѣжала съ его лица.

Онъ раскаивался теперь, что позволилъ себѣ сдѣлать и это маленькое, повидимому, совсѣмъ ничтожное замѣчаніе.

„Неужели въ глубинѣ своей души онъ уже сознаетъ, что потратилъ свои силы бесполезно для той меньшей своей братин, которую такъ безконечно любилъ всегда и любить и теперь?“ — мелькнуло ему и стало жаль старика.

Они вышли на широкую зеленую площадь, въ глубинѣ которой стоялъ одиноко огромный, вѣтвистый старый дубъ, окруженный скамьею.

— Я говорилъ тебѣ не о мысли въ примѣненіи, а о мысли въ самой себѣ, какъ о непосредственномъ источникѣ счастья!—глухо сказалъ Дмитрій Сергѣевичъ.

— Я понимаю, батюшка! Но, во-первыхъ, мое личное счастье не дастъ счастья другимъ, а тѣмъ болѣе тѣмъ людямъ, о благѣ которыхъ мы призываемъ заботиться прежде всего, по общественному положенію нашему, дающему намъ всѣмъ пропавшимъ нашимъ, а во-вторыхъ, вѣдь не всѣмъ же дана широта вашихъ сознаній! Не всѣ-же могутъ жить только мыслью и только въ мысли.

— Да, да!.. конечно!.. Я въ этомъ полное исключеніе!.. Я... какъ этотъ одинокій дубъ, молчаливый свидѣтель жизни многихъ поколѣній, не жилъ самъ, а только наблюдалъ жизнь, умозаключалъ и выводилъ...

И, сказавъ это, Дмитрій Сергѣевичъ остановился передъ дубомъ и долго глядѣлъ на него. Казалось, что онъ запечатлѣвалъ въ своей душѣ все то, чѣмъ могъ-бы когда-либо отличить его отъ другихъ дубовъ. Его свѣтившійся взоръ затуманился слезою.

— Прощай, мой молчаливый другъ, и сыну моему лей въ душу тѣ тихія отрады, какими столько... десятковъ лѣтъ папоялъ ты мое жаждавшее любви и шири твоихъ горизонтовъ... сердце! Только *тутъ*... только лицомъ къ лицу съ синеватою мглою твоихъ безконечныхъ перспективъ признавалъ я вполнѣ... всю тѣту жизни людей, полагавшихъ все свое въ своемъ земномъ statu quo!

Владиміръ, сильно взволнованный и потрясенный, стоялъ, низко наклонивъ голову. Онъ не смѣлъ взглянуть на отца. Слезы сжимали ему горло; слезы душили его.

Ему до этихъ минутъ, почему-то, никогда не приходила и на умъ мысль о близкой его смерти, а теперь онъ чувствовалъ всѣмъ сердцемъ, что она, эта смерть, уже витала тутъ, надъ ними, готовая не нынче, такъ завтра *унести отъ него эту дорожную ему жизнь, унести и скрыть ее въ синеву тѣхъ невѣдомыхъ горизонтовъ*, о которыхъ только-что такъ просто и съ такимъ потрясающимъ чувствомъ говорилъ онъ.

Онъ глубоко вздохнулъ.

Дмитрій Сергѣевичъ медленно повернулся и тихо пошелъ отъ дуба. Но съ каждымъ новымъ

шагомъ онъ шелъ быстрѣе, а дыханіе его дѣлалось все болѣе учащеннымъ и хриплымъ.

— Что вы такъ спѣшите, батюшка?

— Писать!

— При такой слабости?

— Не ждетъ поѣздъ, не ждетъ!

— Какой поѣздъ, батюшка?

— Тотъ, что увезъ уже почти всѣхъ моихъ товарищей и, того гляди, заѣдетъ и за мной!.. А у меня многое еще не кончено, многое не сдѣлано совсѣмъ!

Разговоръ пресѣлся.

Обоимъ было тяжело и какъ-то жутко холодно.

Вотъ и ихъ полуразрушившійся великанъ и ветхая терраса.. Еще минута, двѣ, и онъ не увидитъ отца... Отецъ вновь запрется въ кабинетъ, чтобы скорѣе подвести послѣдніе *итоги* своимъ земнымъ дѣламъ!.. *Итоги...* Какіе итоги?.. Чему итоги?.. Кому нужны эти итоги въ концѣ-концовъ?.. Не комедія ли все это?... *Это... этотъ спѣхъ людей*, что-то вѣчно дѣлающихъ, къ чему-то вѣчно стремящихся и никогда ничего не достигающихъ!.. Вотъ точь-въ-точь, какъ тѣ итальянскіе быки, которымъ ихъ погонщики навязываютъ на концахъ ихъ длинныхъ шестовъ по клоку сѣна, чтобы они проходили быстрѣе,—мелькнуло Владиміру, и слабая усмѣшка пробѣжала блѣдною тѣнью по его взволнованному лицу.

— О, какъ ужасна эта земная жизнь, когда она ограничивается въ сознаніи одною землею!—опять мелькнуло ему, и сердце его больно сжалось.

— Доброго вечера, Владиміръ.

— Уходите, батюшка?—глухо спросилъ онъ.

— Ухожу! . Надо, надо!—и, сказавъ это, Дмитрій Сергѣевичъ скрылся за дверями террасы.

II.

„Бѣдный! Онъ все еще спѣшитъ! Онъ все еще
впритѣ въ возможность искусственнаго насажденія счастья
на землѣ!.. Дѣйствительная жизнь не существуетъ
для него и теперь, какъ не существовала она и
тогда, когда такъ горячо стремился онъ пере-
строить государственный бытъ народа, *внѣ всякаго*
счета съ господствовавшими дотолѣ элементами!
Онъ считалъ всѣ эти элементы народной жизни,
слагавшейся вѣками, за какой-то пухъ, на кото-
рый стоило лишь только дунуть съ высоты мы-
сли, чтобъ онъ исчезъ безслѣдно и разъ навсегда!

Преувеличивая значеніе разума, какъ руко-
водящаго жизнью начала, до донкихотовскихъ пре-
дѣловъ или, точнѣе сказать, до донкихотовской
безпредѣльности, онъ былъ увѣренъ, что вполне
достаточно выработать обще-человѣческую норму
счастья, чтобы всѣ люди сразу стали бы счастли-
выми.

Онъ вѣровалъ въ эту мечту со всею искрен-
ностью человѣка чистаго сердцемъ!..

Но жизнь не оправдала этой вѣры!..

И вотъ теперь, когда онъ подводитъ итоги своей
великой идеѣ обще-человѣческаго счастья, моло-
дое поколѣніе гибнетъ въ дебряхъ самыхъ про-
тиворѣчивыхъ воззрѣній и, лишенное свѣтлыхъ
дней жизни предковъ, жившихъ вѣрою, а не
празднымъ шатаніемъ мысли, задыхается отъ со-
знанія безцѣльности своего существованія, а на-
родъ, предоставленный самому себѣ, бездѣлничаетъ
и пьянствуетъ, впадая все въ большую и
большую нищету.

Вотъ все, что дала намъ эта его идея міроваго сча-
стія,“—взволнованно думалъ Владиміръ, идя бы-

стрыми шагами, и лицо его было блѣдно, мутенъ взоръ, а сердце жгуче болѣло и за отца, и за всѣхъ этихъ лучшихъ людей того времени, его времени, людей, желавшихъ такъ чистосердечно блага народу и причинившихъ, въ концѣ-концовъ, столько зла!

День догораль.

Солнце медленно склонялось къ западу.

Его косые лучи обращали зелень полей въ сплошное золотистое море, въ глубинѣ котораго, рѣзко измѣняя направленіе, синѣлъ длинною, растяпую лентою старый сосновый лѣсъ.

Онъ давно прошелъ низкую луговину, примыкавшую къ площади, на которой стоялъ одинокій сторожъ, старый дубъ, любимецъ отца; давно миновалъ бревенчатый мостъ, соединявшій ихъ усадьбу съ селомъ, и высокую гору, съ вершины которой недвижимо смотрѣлъ на него старый сосновый боръ Скорбутовыхъ, и очнулся лишь тогда, когда отчетливо разслышалъ трескъ сухихъ сучьевъ, ломавшихся подъ напоромъ копыт лошадей, быстро несшихся по направленію къ нему.

Теперь лицо его покрылось густымъ румянцемъ. Онъ не сомнѣвался, что въ числѣ скакавшихъ была и сама владѣлица лѣса, Екатерина Николаевна Скорбутова. Та самая Скорбутова, которая такъ сильно поразила его, при первой встрѣчѣ съ нею, огромными зрачками свѣтло-сѣрыхъ, почти что бѣлыхъ глазъ, холодныхъ и безжизненныхъ, какъ стекло, и огромною массою рыжевато-красныхъ волосъ.

Та самая Скорбутова, которую ненавидѣлъ онъ такъ сильно, когда эти ея бѣлые, ничего не выражающіе глаза упорно останавливались на немъ и какъ бы осязали его, или когда она, колкая и